

Александра НАРИН

ПОЦЕЛУЙ
У НОГ
БОГИНИ

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н28

Оформление серии *Екатерины Петровой*
Редактор серии *Антонина Самофалова*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© STEKLO / Shutterstock.com и иллюстрации: KToon, Transia
Design, Vector Tradition / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© Vector Tradition / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Нарин, Александра.

Н28 Поцелуй у ног богини : роман / Александра Нарин. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-162663-1

В тени гигантской киноиндустрии, на задворках города выживают неизвестный артист и его невеста. Их чувства — табу. У них появляется единственный шанс выбраться из бедности и быть вместе, но судьба плетет непредсказуемый и страшный узор.

Роман наполнен своеобразием тропического мегаполиса, магией Индии. Каждое слово книги бережно собиралось в среде бедных артистов Мумбая, в трущобах, в деревушке исчезающего народа коли. В основе — живые истории и судьбы людей.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Нарин А., 2022
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-162663-1

Галаджункья

Я отец, и я мать. Я кишу существами, я чешусь, покрываюсь чёрным грибком. Моя плоть перекроена, а куски скреплены кое-как. Однажды я окажусь под водой, тогда миллионы сирот пойдут на дно вместе с моей тушей.

Каждый день я наполняюсь ими, моими сиротками. Они ищут утешения, алчут, жаждут, сходят с ума. Тысячи поездов врываются в моё воспалённое чрево. Я принимаю всех – живите, стелите жалкие картонки на тёплой спине, забирайтесь к небесам, если сумеете.

Они приезжают, творят непостижимое, мучаются, и я пульсирую. Взрывают меня, расстреливают и продают таких же, как они сами. Ездят по мне туда-сюда, истекают потом в набитых вагонах, шевелятся в них словно насекомые. Многие ничего не чувствуют, укачанные рутиной. По вечерам они выдыхают с балконов сигаретный дым, пытаются что-то вспомнить, но не знают даже, с чего начать. Дру-

АЛЕКСАНДРА НАРИН

гие плескаются в развлечениях, а по ночам рыдают от одиночества и утешают сами себя.

Мне нравятся те, кто не потерял веры в чудо, и те, кто влюблён. Из-за них я ещё не сгинул, не рассыпался в пепел. В моих недрах много любви, не только придуманной и снятой на киноплёнку.

Юноши и девушки глядят на морской закат, беседуют, смущаясь, пока свисток сторожа не разгонит их по домам. Старики, вместе прожившие эпоху, встречают первого правнука. Горничные богатых квартир готовят особенные блюда красивым хозяевам. Торговцы сладостями поджидают джинна, который покупает перед закрытием джалеби то в одной лавке, то в другой. Девочки пишут стихи да бросают их в мусор, подальше от матерей. Уборщики несут своим усталым жёнам тетрадки с наивной поэзией для растопки заодно с гирляндами ноготков.

В эти минуты столько глаз удивлённо распахнуты, сотни рук дрожат в предвкушении неизвестного счастья. Я свечусь, я ощущаю такое. Верьте мне, как верите в то, что купите два пакетика растворимого кофе и пять яиц на улице Патил Гали.

Вот мчится бенгальский поезд, а в нём двое неприкаянных. При виде меня оба сияют, как восход, что всегда появляется из-за холмов. Тонким слоем красной железнодорожной пыли покрыта их кожа, одежда впитала запах рельсов и нечистых станций. Но если бы рядом никого не было, они бы касались друг друга снова и снова.

Эти двое возвращаются из напрасной поездки. Во рту у них — угольный привкус Асансола, горо-

Поцелуй у ног богини

да на задворках Западной Бенгалии. Она только называется Западной, а лежит на самом востоке нашей земли, упираясь в кипящий Бангладеш. Долго не могли они вырваться оттуда и вот едут. Все возвращаются ко мне рано или поздно. Я слежу за каждым, как за своим ребёнком, особенно за такими, простодушными.

Про меня вы поймёте сами. Я отец, я и мать. Я — это мои сироты, их жилища и пляжи, нервные биржи, узкие конторы, уют трущоб со сладковатым духом гниения, крошечные театры, ниши уличных магазинов, острова парков с вытоптанными газонами, крысы и курицы, белые здания тенистых кварталов, сады, которые орошают фонтаны.

Мне давали столько разных имён: Какамучи, Галладжункья, «Хороший залив» — Бом байм, Бомбей. Незадолго до того, как встретились те двое из поезда, мне вернули имя богини моего народа коли — Маха-Амба, Мумбай. Берите любое название, если вам понадобится говорить обо мне, каждое из них было уважаемо в своё время.

Вечер в доме Амира

*Посмотрите на нас,
Как смотрят, пусть и дрожа,
На далёкий тёплый огонь.*

АНАМИКА, «Женщины»¹

Взгляните на Асансол, душный и розовый от пыльного заката. Эй, брат, ты настоящий край света, не обижайся. Зря мои сироты тащились к тебе в такую даль. Дорогой они шептались, чтоб их не услышали пассажиры. На них пялились все до единого в вагоне, на них ходили поглядеть исподтишка.

Поезд бежал по тесным утробам наших обветшалых братьев, по рельсам, где пирует нищета. Состав замирал на ночных стоянках. В темноте визжали птицы. Через окна то щекотали ветки, то с платформ мальчишки совали эскимо. Оно растекалось, стоило достать из коробки.

Ты говоришь, брат, семья поужинала, когда они постучались в дом? Убирали посуду и оцепенели? Какие глаза у них были, брат? Они рыдали? Ясное дело, рыдали. Рассказывай, ты же знаешь, как я люблю мелодрамы.

¹ Здесь и далее переводы автора.

Поцелуй у ног богини

В глазах матери цвета влажной земли рождалась буря. Мучительная ласка к сыну в руках, а на лице — презрение к миру, который выкинул такую дикую шутку у неё под носом. Чистая печаль остановилась в глазах отца оттенка тёмного дерева. Глазки девочек — бусины яшмы, вспыхнули радостью и погасли от окаменелого лица матери.

Янтарные глаза Амира с тяжёлыми белками смотрели куда-то в ноги сёстрам. При встрече с родителями исчезла его дорожная смелость. Он стал грустным виноватым мальчиком, который совершил непоправимое и ждёт, какое выберут наказание.

Единственные глаза с прозрачными ресницами, полные голубой воды, хохотали. В них плескалось любопытство. Для Марии шло кино о ней самой, и она упивалась им. Страна, которую она пересекла поперёк через живот, эти люди были изумительной декорацией, авантюрой, подарком. Мария впервые жила столь необыкновенно и так полноводно. Она пересаживалась то так, то эдак, не зная, как лучше устроиться на полу. Разглядывала лица и комнату в лоскутках рисунков, старых календарей, портретов киноартистов, вырезанных из газеты, бус, повешенных на гвозди.

Постукивали железные тоненькие браслеты на округлых запястьях матери. Она подала Амиру рис на плоской алюминиевой тарелке и одну ложку. Амир, ещё ниже клонясь над едой, отдал Марии ложку, а сам взял хлеб и ел руками.

С дороги оба были страшно голодные. Им хотелось раздирать зубами пищу, есть много часов без

остановки, глотать нежные рисинки, прокатив их по нёбу, вгрызаться в кусочки курицы, набить рот лепёшками в налёте муки. Но ели они осторожно, каждый боялся забрать долю другого. Остальные наблюдали, как они мучаются вокруг тарелки. Казалось, происходит что-то непристойное, как объятия возле мечети.

Кто-то заглянул в окно, и затем ещё несколько раз белки мелькнули во мраке. Отец кивнул, и младшая девочка, Джасми, вскочила и задёрнула штору. Всплеск статического электричества поднял маленькую бурю в комнате, родители и Амир взбудораженно заговорили.

Их тревожило что-то за пределами дома, а не то, что сынок притащил к ним чужую, иностранку. Речные глаза Марии потеряли смех и наполнились холодными течениями: она догадалась, что её вычеркнули. Даже если сейчас начать целовать руки матери и отцу, они сделают вид, что она невидима. Ни за что не хотела Мария верить, что это совсем. «Нет, мне мерещится просто», — подумала она, и в воде глаз опять засветились искорки.

Амир быстрым шёпотом перевёл ей суть разговора. Она разобрала только «муслим» и «хинду». Язык, к которому приручили наш народ колонизаторы, — английский, она понимала едва-едва. Языки нашего народа — хинди, маратхи, урду, малаялам, конкани, ория — были для неё потоками переломанных слов.

Амир шепнул эту бессмыслицу про «муслим» куда-то в висок Марии и тут же отстранился. Воздух перемешивал вентилятор с лопастями во весь потолок.

Поцелуй у ног богини

Все говорили громко, как оглохшие, стараясь перекричать образ белой женщины, которая могла быть только видением. Они горячо и хрипло полосовали пространство долгой «х», рубили его туповатой «р». А Мария любовалась носиком на круглом лице матери Мумтаз. Ей опять стало смешно, что у неё будет такая красивая кругленькая свекровь, что поправляет мягкими руками свою малиновую дупатту¹.

Резко вылетел свет, шум вентилятора стих. Стали слышны далёкие человеческие вопли, смешанные в одно, удары металла, приливы неизвестного ржавого моря. Мария и Амир по пути со станции принимали этот звук за гул завода. Мать зашумела ящиками, привычно находя на ощупь свечи и спички. Стук и шорох ненадолго перебили уличный скрежет.

В колыхающемся мерцании Амир отвел Марию спать в многоугольную комнатку, пристроенную к дому. Там хранили ночью велосипеды, стоял узкий диван в кривом углу и грязноватый пластиковый стул. Амир тронул плечо Марии и ушёл неровным коридором, стены которого закачались от колебаний огонька.

¹ Дупатта — длинный шарф, часть традиционной женской одежды.

Отец СМОТРИТ С КРЫШИ

*Он колеблется всякий раз, когда я прошу
Донести нашу любовь до света.*

МИНА КАНДАСАМИ, «НЕИЗВАННАЯ ЛЮБОВЬ»

Амир повернул к лестнице, открыл решётку и поднялся на крышу, где ждал отец. Отец сказал голосом старца:

— К утру они всё здесь разнесут.

На других крышах тоже стояли мужчины. Смотрели, как течёт в рыхлое небо дым из квартала в километре от их жилищ. Папа заговорил тихо и хрипло, будто опасался словами разрушить город.

— Всё началось из-за пандала¹ индусов. Ты знаешь улочку у мусульманского кладбища, где похоронен твой дед?

Амир кивнул, он ссутулился и дожидался, пока папа расскажет своё, и потом, возможно, будет что-то и о Марии. Кровь то прилиwała к его лицу, то снова откатывала незаметно под смуглой кожей. Крики и хаос в глубинах родного города почти не волновали его теперь.

¹ Пандал — маленький храм.

Поцелуй у ног богини

— Индусы ходили поклоняться Дурге¹ к этому пандалу, жаловались, будто громкоговоритель из мечети мешает. Многим мешали их песнопения у кладбища. Они шли к Дурге, кто-то из наших перегородил им дорогу. Подрались, а как же! Пока тебя ещё не было, чужие приехали на грузовиках. В квартале мусульман они кричали, что нам место в могилах или в Пакистане. Наши парни схватились за арматуру. Видишь, что случилось к концу дня, — и отец обвёл взглядом ночь.

— Это всё политика, политикам не нужна гармония, — Амир помолчал и решительно сказал: — для нашего поколения нет «наших» и «не наших», мы все хотим жить в гармонии.

Отец глянул в его лицо, как смотрят на больных, и продолжил говорить медленными фразами, останавливаясь после каждой.

— Не знаю, выйду ли я в понедельник на завод. Не хватало ещё, чтоб остановилась работа, — Амир услышал, как в груди отца скрипит дыхание. — В этом районе живут одноклассницы девочек, там медресе, государственная школа, а полиция ничего не делает.

Струи дыма лились, как заколдованные белые реки, по синему полотну небес. Многим на крышах хотелось броситься туда, где гудели уличные бои, ломали индуистские храмы, разрушались лавочки мусульман, жгли дома друг другу. Останавливал

¹ Дурга — богиня в индуизме, особенно почитается в Западной Бенгалии.

АЛЕКСАНДРА НАРИН

страх за своё жильё, за сыновей и женщин. Люди надеялись неподвижностью сохранить покой переулка. Они слушали и вглядывались изо всех сил в дальние кварталы, как будто те вот-вот дадут какой-то ответ. По спинам людей тёк пот, ноздри тянули гарь. Люди верили, что власти остановят беспорядки, уповали на это и отец, и Амир. Амир тревожился и караулил папины слова, чтобы не упустить начало разговора о Марии. Драки могли повториться ещё тысячи раз, но эта ночь никогда. Он чувствовал себя жалким и тонким, как часто случалось с ним при отце.

Наконец папа изменил тон, так что голова Амира дёрнулась в нервном тике. Отец заговорил ласково на урду, благородном языке мусульман их края. Он изъяснялся на нём, когда хотел подчеркнуть важность своих мыслей:

— Бета¹, сыночек, — папа наполнил голос добротой и терпением, так же он объяснял Амиру в детстве безрассудство некоторых поступков. Амир пошатнулся навстречу горящему городу, и жалость к отцу сдавила его сердце.

¹ Бета — сын (урду, хинди).

Али

*Так он идёт укладываться спать,
Статистику по радио послушав.
Он думает о предках и о внуках.*

ДЕЛИП ЧИТРЕ, «ОТЕЦ МОЙ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ»

Амир жалел отца за самого себя. Думал о нём: «Папа простой и добрый человек, как будто навсегда обделённый чем-то, но принимает это без ропота, как должное. Он столь же часть Асансола, как его стены, уголь, мощные и тоскливые трубы на берегу реки Дамодар».

Отец гордился простыми вещами: своей семьёй, тем, что работает на заводе с самой огромной печью в стране. Каждое утро он смотрел из окна на могучие серые заводские стены. Завод громко со стоном дышал, и это значило — жизнь идёт правильно, в ней будет хлеб и молоко, будет чай, рис и сари для Мумтаз. Долгие годы он смотрел на трубы, как символ несокрушимости бытия и защиту.

Смотрел по утрам брошенным матерью мальчиком, который подавал воду и закуски в заводской конторе, относил полученные рупии бабке. Старуха только молилась, всегда закутанная в чёрную чадру, и ждала денег от непутёвой дочери. Смотрел